

]

— В обед я съем три миски, а после обеда в одиночку соберу три тележки! — похвастался Чжоу Чун.

Шань Циншань ответил:

— Тебе не нужно так много работать.

— Если я сделаю больше, ты сможешь отдохнуть.

Шань Циншань на миг замер, затем, не сводя глаз с дороги, повел трактор в сторону дома.

Чжоу Чун сидел на тракторе с таким видом, будто едет в шикарном кабриолете с красавицей.

Он смотрел то на горы, то на поля, то на Сокровище Циншаня рядом с собой.

В лучах зимнего солнца на кончике его точеного носа поблескивали капельки пота — яркие, как алмазная крошка, преломляющая свет. На изысканном лице играл легкий румянец, переходящий на уши и сбегающий к белой шее.

Трактор явно не был кабриолетом.

А вот Циншань был настоящим красавцем.

Чжоу Чун засмотрелся на пару секунд, чувствуя, как улетаёт душа, а потом, осознав свою реакцию, поспешно сменил позу.

Прикрыл лицо рукой.

Вот же извращенец.

Циншань вдруг спросил:

— А что значит «режим няшки»?

— Это когда нарочно говорят тоненьким, слащавым голосом. Я тоже так могу. — Чжоу Чун со смехом пропищал: — «Сокровище Циншань!»

Шань Циншань скривился от отвращения:

— У нее выходило приятнее.

Чжоу Чун перестал улыбаться.

Что?!

— Тебе показалось, что это приятно?

— Приятнее, чем у тебя.

— ...

Чжоу Чун внезапно что-то осознал. Он придвинулся ближе и понизил голос, чтобы микрофоны

не поймали слова:

— Слушай, Сокровище Циншань... тебе что, нравятся девушки?

Шань Циншань посмотрел на него как на сумасшедшего:

— А кому еще?

Чжоу Чун лишился дара речи.

— У тебя что, какие-то заблуждения на свой счет?

— Ты о чем вообще? — не понял Шань Циншань.

Чжоу Чун внимательно взгляделся в него.

В выражение его лица, в глаза. Там не было ничего, кроме искреннего недоумения.

...

Бывает, человек переродился и вроде бы жив, а на самом деле — мертв внутри.

А бывает, кто-то не переродился и вроде бы мертв, но всё еще способен раз за разом вонзать нож в чужое сердце.

Шань Циншань не понимал, чем вызвано это внезапное молчание.

— Что с тобой?

— Ничего.

Чжоу Чун схватился за сердце.

Пустяки, всего лишь смертельная рана.

Привезенную капусту нужно было порубить на корм свиньям.

Чжоу Чун вызвался добровольцем.

Шань Циншань, встав на табуретку, срезал кусок вяленой колбасы, нарезал её и положил в котел с рисом, а затем принялся жарить овощи.

Вскоре дом наполнился аппетитным ароматом.

Чжоу Чун всё никак не мог оправиться от шока — его Сокровище нравятся бабы!

Моет руки — вздыхает. Ставит корзину — вздыхает. Достает из чемодана припрятанную вяленую говядину — и снова тяжкий вздох.

Ну как ему могут нравиться девки? Как так-то?!

Чжоу Чун задрал голову к небу под углом 45 градусов, подвергая сомнению основы мироздания.

— Откуда у тебя говядина? — спросил Шань Циншань.

— С собой взял. — Это была любимая вяленая говядина Циншаня.

— Ты и это припер? Режиссеры же запретили.

Чжоу Чун усмехнулся. Плохое настроение добавило ему дерзости:

— Пусть только попробуют вякнуть. Пока я не разрешу, к моему чемодану никто не прикоснется.

Режиссеры, наблюдавшие за этим в эфире, молчали, не смея перечить.

Если этот молодой господин будет сидеть тут смирно, они уже будут молиться на него.

Чжоу Чун отошел, отрезал кусочек мяса и поднес к губам Шань Циншаня:

— Попробуй.

Шань Циншань съел:

— Вкусно.

Чжоу Чун тоже съел кусочек, и его вдруг осенило.

Их отношения в прошлой жизни не были ложью.

А это как раз доказывает, что Шань Циншань выбрал именно его, Чжоу Чуна, как личность, невзирая на пол.

На душе у Чжоу Чуна посветлело. Он снова почувствовал себя счастливым.

То, что Циншань сейчас «натурал» — не беда, перекуем!

Дано: переродился и встретил жену, но он гетеро.

Вопрос: как его «согнуть»?

Ответ: избавить от интереса к женщинам и зажечь интерес к мужчинам.

Чжоу Чун придвинулся к Шань Циншаню и прошептал, как искуситель:

— Ты когда-нибудь смотрел кино? Ну, такое... которое по телику не показывают.

Шань Циншань медленно повернул голову. В его глазах читался ужас.

Красивое лицо слегка покраснело, выдавая растерянность, свойственную его возрасту.

— Хочешь, вместе глянем? — предложил Чжоу Чун.

Братик откроет тебе дверь в новый мир. Нет.

В новую вселенную.

Сначала посмотрим про «мальчик-девочка», а потом перейдем к «мальчик-мальчик».

Шань Циншань наградил его ледяным взглядом и ушел с тарелкой.

«Такого психа даже лучшие золотоискатели не откопали бы, а он в моем доме поселился».

В голове Чжоу Чуна роились планы, как заманить Сокровище на просмотр «кино». Он думал об этом, когда собирал капусту, когда таскал мешки и когда менял её на деньги у группы.

— Господин режиссер, я считаю, это несправедливо. — Внезапно раздался голос Чжочжо.

— Сокровище Циншань — местный. Он привык к сельскому труду, он тут дома и знает, как со всем справляться. А у нас нет жизненного опыта, у нас ничего не получается. К тому же Чжоу Чун постоянно за ним хвостом ходит, они спелись. Разве это не нарушает принцип честности шоу? И не я одна так думаю.

В обед все вымотались на этой капусте, заработали копейки, которых едва хватило на скудный паек.

Перекусили кое-как, а днем — опять за работу.

Усталые и голодные.

Режиссеры посмотрели на Чжоу Чуна и Шань Циншаня. Вмешиваться они не собирались: конфликты — это рейтинги.

Чжоу Чун помрачнел:

— А кто тебе разрешил называть его Сокровищем Циншанем?

Чжочжо опешила.

Это что, самое важное?!

«Вообще-то Чжочжо дело говорит».

«Что за бред она несет? Кто-то умеет работать — и это „несправедливо“? А когда они в обед в кучу сбились поесть, она про „группировки“ не вспоминала?»

«Слышать от неё слово „труд“ — просто смешно».

«Парни выполняют все задания группы. Чжоу Чун хоть и ходит за Шань Циншанем, но не бездельничает: свиней кормит, воду греет, посуду моет — он впахивает больше всех остальных гостей».

...

Чжоу Чун по-хозяйски положил руку на плечо Шань Циншаня. Поза была расслабленной, но в глазах застыл холод.

— Ну и ну. Ты прямо ходячее воплощение всех моих худших стереотипов о шоу-бизнесе.

— По твоей логике, если ты безрукая, а кто-то умеет работать — это несправедливо? Ты пользуешься всеми благами цивилизации, ты «большая звезда» с огромными доходами, а Циншань вырос в этой глуши, почти в изоляции. Что-то ты не кричишь о несправедливости в этом! Ты просто хочешь халявить, но те, кто мог бы тебя тащить, не хотят этого делать. В нашем шоу-бизнесе полно таких тупиц, как ты, поэтому он и катится в пропасть.

— Давай так: если тебе так нужны навыки Циншаня — оставайся здесь года на три-пять, всему научишься. А Циншань поедет вместо тебя дебютировать. Он красавчик, зрители его точно полюбят. Как тебе план?

«Я за! Обеими руками за!»

«Чжоу Чун не из шоу-бизнеса — вот и говорит без фильтра».

«Смотрите, как за Сокровище вписался! Языком как помелом метет!»

«Не знаю, кому как, а мне этот разнос зашел».

«Эта Чжочжо реально бесит. Утром шесть кочанов, в обед Цянь Вэй её подкармливала, а она ни выводов не сделала, ни долг вернуть не чешется. Сама меньше всех сделала, а орет громче всех».

...

Шань Циншань произнес:

— Чжоу Чун много помогает мне по дому. Он привез еду и вещи. Если кто-то из вас хочет ко мне домой — делайте столько же, сколько он.

Шань Циншань развернулся и пошел прочь.

Чжоу Чун на секунду оцепенел, затем бросился догонять:

— Эй, погоди! У тебя на кровати места больше нет! Не пускай их, тебе меня одного мало, что ли?

Цянь Вэй, пересчитав свои копейки, тоже побежала за ними:

— Я хочу пойти к вам... помогать! Я люблю работать! Очень люблю!

Чжоу Чун хмыкнул:

— Так и скажи, что пожрать хочешь.

Цянь Вэй сделала жалобное лицо:

— Я хочу нормально поесть у вас дома.

Она в обед с трудом выменяла яйца, а в итоге сварила их так, что желток был сырой, а белок резиновый. Сама не поняла, как у нее так вышло.

— У меня дома работа тяжелая, — предупредил Шань Циншань.

— Ничего! У меня сил — как у здорового быка! — заверила Цянь Вэй.

Шань Циншань кивнул.

Цянь Вэй просияла, сбегала к режиссерам, отложила денег на завтрак, а всё остальное спустила на продукты, чтобы не идти в гости с пустыми руками.

Дун Хайлань умела готовить.

Фан Жун был её ровесником, и они решили держаться вместе.

Пань Инчжэ не хотелось после полевых работ ещё и на обычного парня пахать, так что он примкнул к Фан Жуну и Дун Хайлань. Всё-таки оба — заслуженные ветераны сцены, для карьеры полезно.

Чжочжо осталась стоять одна.

Дун Хайлань подошла её утешить, но стало только хуже: Чжочжо зарыдала в голос, будто её смертельно оскорбили.

Даже когда Чжоу Чун уже отошел далеко, до него долетал её притворный лепет:

— Я же не это имела в виду... Просто я немножко глупая, у меня ничего не получается, но я же не отлыниваю... Я знаю, что мне далеко до Шань Циншаня, он такой способный, работающий, даже молодого господина Чжоу вокруг пальца обвел... Стоило мне слово сказать, как тот сразу кинулся его защищать...

Услышав, как она снова цепляет Циншаня, Чжоу Чун разозлился.

Он насквозь видел все эти грязные приемчики шоу-бизнеса и презирал их. Но если хоть капля этой грязи попадет на его Сокровище, он себе не простит.

Чжоу Чун развернулся и пошел назад.

Увидев его взгляд, обещающий расправу, Чжочжо мгновенно замолчала и застыла. Её охватил первобытный страх.

— Кого хочу, того и защищаю, тебя не спросил, — отрезал Чжоу Чун. — Расплакалась она... Для своего спонсора стараешься? Так вот, с этой самой минуты твой спонсор тебе больше не спонсор. Собирай манатки и вали из индустрии.

<http://bllate.org/book/19795/1950906>